

Максим Хорсун

Великий замысел

Часть сборника
Русская фантастика 2015

Максим Хорсун

Великий замысел

«ЭКСМО»

2015

Хорсун М. Д.

Великий замысел / М. Д. Хорсун — «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-457-71425-0

«Мое имя – Филиас Шелдон. В прошлом я горный инженер, затем – путешественник, первопроходец, знаменитость и кумир молодежи. А затем – канувший в неизвестность одинокий любитель виски и опия. И нет со мной рядом никого, кто бы помог избежать порочного пути и остановить это безудержное падение...»

ISBN 978-5-457-71425-0

© Хорсун М. Д., 2015

© Эксмо, 2015

Максим Хорсун

Великий замысел

Здравствуйте, дамы и господа. Мое имя – Филиас Шелдон. В прошлом я горный инженер, затем – путешественник, первопроходец, знаменитость и кумир молодежи. А затем – канувший в безвестность одинокий любитель виски и опия. И нет со мной рядом никого, кто бы помог избежать порочного пути и остановить это безудержное падение.

Я начинаю рассказ помимо воли, и не ради давно угасшего в душе тщеславия. Не ради славы, не ради признания каких-либо заслуг, и уж тем более – не ради грошовых гонораров, которые платят газетчики за историю, которой можно напугать искущенного в наш просвещенный век читателя. На днях я узнал, что неугомонный профессор Милфорд, одержимый идеей снова вступить в контакт с разностной машиной, собирает средства для очередной экспедиции в «темную зону», и этот факт не дает мне покоя. Одно неосторожное действие – и зло, с которым мы столкнулись в «темной зоне», вырвется, подобно джинну из бутылки. При таком повороте событий гибель нашей цивилизации неизбежна. В нелепой попытке охватить необъятное и познать непознаваемое мы погубим человечество, не оставив и шанса на то, чтобы оно когда-либо возродилось вновь.

Мою тревогу усугубила и встреча с Юн Су, которая не может быть случайной. Этот маньяк дал понять, что над каждым, кто занимается вопросом «темных зон», висит дамоклов меч. Полагаю, Юн Су пришел к выводу, что убийство – мера грязная и, по большому счету – недейственная, что, полагаясь лишь на насилие, проблему не искоренить. Ныне он взялся взывать к здравому смыслу и делиться крохами сведений, чтобы сформировать общественное мнение. И хоть этот человек, по моему глубокому убеждению, не заслуживает ничего, кроме виселицы, я вынужден объединить с ним усилия, в связи с чем и берусь за перо.

...Когда на обеденный стол легло приглашение из Рэй-Браунского университета, оно показалось мне пятном света, упавшим из окна над дверью на заставленную грязными тарелками плоскость. Профессор Джошуа Милфорд заверял, что готов принять меня в любое удобное время по некому безотлагательному делу. Я подумал, что речь идет о лекции, на которой я должен буду рассказать о своем путешествии к Краю Корабля. Еще год назад мне регулярно приходилось выступать перед самой разнообразной публикой: студентами, военными, рабочими заводов, клерками и даже заключенными.

Я надел лучший костюм и недавно отремонтированные башмаки, водрузил на голову цилиндр, зажал под мышкой трость и вышел на улицу. На перекрестке Тишайшей и Улицы Бутылочников, я поймал кеб.

Сначала мы ехали через Ист-Энд в сторону Сити, а пассажирские и грузовые omnibusы проносились, грохоча колесами, мимо по отведенной для парового транспорта полосе. Затем опустились на подъемнике на два горизонта и оказались в Гранд-Парке, за которым располагался Рэй-Браунский Университет. Дабы не загрязнять первозданную атмосферу Гранд-Парка угольным чадом, паровой транспорт здесь был запрещен. Поэтому остаток пути я наслаждался относительной тишиной и щебетом птиц.

Извозчик остановил кеб перед университетской площадью. Расплатившись, я двинулся к главному корпусу. Возле университета, как всегда, было множество студентов в скромных сюртуках и мантиях, с книгами и свитками в руках. Кто-то кормил голубей, кто-то беседовал, сбившись в тесный кружок, кто-то отдыхал, расположившись на скамье.

Шпили главного корпуса едва не касались потолочного свода, ярко освещенного мощными лампами. Я невольно задрал голову, придерживая цилиндр. Передо мной было старинное четырехэтажное здание, построенное лет четыреста назад. С тех пор оно обзавелось

двумя пристроенными крыльями, горделивыми шпильями и изысканной лепниной на стенах. Полукруглый фронтон, обжитый гипсовыми химерами, подпирали шесть колонн. Окованные медью двери, высотой в два человеческих роста, были гостеприимно раскрыты. Дующий в лицо ветерок нес запах книг и чернил.

В вестибюле меня встретил подвешенный к потолку остов реликтового механоида. Останки таких существ мы встречали во множестве возле Края Корабля, это было во время путешествия, сделавшего меня знаменитостью. Университетский экземпляр отличался великанскими размерами, он был о шести ногах, с двумя парами чудовищных рук, оканчивающихся сверкающими клешнями, каждой из которых можно было с легкостью перекусить взрослого человека пополам. На длинной и гибкой шее сидела крошечная, ощетилившаяся штырями, голова. Всякий раз, когда я глядел на остовы доисторических гигантов, меня посещала одна и та же мысль: хвала Господу, что люди разминулись с ними на многие тысячи, а может, и миллионы лет.

Кабинет профессора Милфорда находился на втором этаже; два высоких шкафа, битком набитых книгами, письменный стол, пара стульев да безликая голова механоида на стене – вот и вся обстановка. Высокие арочные окна выходили в атриум, где искрились в лучах мощных ламп фонтаны. Сам профессор оказался еще достаточно молодым, но уже обзаведшимся брюшком и лысиной человеком. Голубоглазый, розовощекий, рыжебровый – он излучал радушие с первой секунды нашего знакомства. Я пожал его большую, но мягкую, словно тесто, руку, очевидно, с большей, чем того требовалось силой. Извинился, отчетливо услышав, как хрустнули кости.

– Что вы, не стоит! – Милфорд встряхнул покрасневшей кистью. – Для меня большая честь видеть вас в своем скромном рабочем уголке, мистер Шелдон. Я спешу выразить вам признательность от лица преподавателей кафедры Физики Корабля, все самые передовые теории основаны на открытии Края.

Я раскланялся в ответ. Сколько времени прошло, а все равно чертовски приятно слышать в свой адрес такие искренние слова.

– Присаживайтесь! – Профессор выдвинул стул. – Чаю? Кофе? Или что-нибудь покрепче? – спросил он, правильно поняв, что означают сизый цвет моего мясистого носа, украшения из сине-красных сеточек капилляров на щеках, ртутный блеск глаз и предательская, никогда не прекращающаяся дрожь в пальцах. – У меня есть коньяк из Горизонта Булони, тысяча семьсот девяностого года, доложу вам...

– Благодарю. Только чаю, профессор! – ответил я.

Милфорд позвонил в колокольчик. На зов явился пожилой слуга-индус и выслушал с важным видом распоряжения хозяина.

– Понимаете, в чем дело, мистер Шелдон. – Профессор сел напротив меня. – Ваше открытие многое изменило в современной физике и в понимании природы Корабля.

К сожалению, мой ум давно утратил прежнюю остроту, тем не менее, он все еще служил мне. Было предельно ясно, что профессор находится в некоем затруднительном положении и что какая-то необходимость заставляет его продолжать метать бисер, невзирая на мои трясущиеся руки, сизый нос и оловянный взгляд наркомана.

– Еще недавно общепринятым было считать, что Корабль – бесконечен. Открытие «края» не оставило камня на камне от этого архаичного постулата, и большое число научных работ в один ничтожный миг утратили свою ценность, – профессор небрежно взмахнул рукой, – превратились в беллетристику чистой воды. Одному лишь богу известно, сколько ученых мужей проклинали вас, ибо вы сломали им карьеру. Но иные возносили вам хвалу, так как появились новые факты, благодаря которым стало возможно поднять науку на новый уровень.

Слуга подал чай. Поблагодарив, я подхватил двумя пальцами чашку из тончайшего фарфора.

– Сторонники опровергнутой теории бесконечного Корабля попытались взять реванш, – продолжил Милфорд. – Ими была выдвинута гипотеза Постоянно Расширяющегося Корабля, согласно которой открытый вами «край» является подвижной границей. И снова у этого течения возникла оппозиция, в состав которой вошел и я. Был произведен ряд расчетов. Результат оказался предсказуемым. Если бы Корабль постоянно расширялся, то лишь за время существования человечества его размеры достигли бы таких величин, что путешествие к «краю» стало бы невозможным. Как и следовало ожидать, оппоненты подвергли наши выводы сомнению.

Чай был вкусным, черт побери. Липовым, с лимоном и медом. Если профессору нужно, чтобы я пересказал этот научный сыр-бор во время своей лекции, то мне придется сделать конспект. Иначе могу нагородить чушь.

Заметив мою обеспокоенность, профессор проговорил:

– Я прошу прощения за тяжеловесный пролог, сейчас я подхожу к сути дела, по которому пригласил вас в эту скромную обитель знаний. Изучив карты горизонтов, в том числе – составленные во время вашей знаменитой экспедиции, группа ученых, которой руковожу я, готова повергнуть в прах еще один замшелый и прочно укоренившийся постулат. Постулат о хаотичном расположении отсеков и палуб Корабля. Он неверен. – Профессор посмотрел мне в глаза. – Корабль имеет упорядоченную структуру симметрий вдоль продольной оси.

Я поставил чашку на поднос, глубокомысленно хмыкнул.

– Вы понимаете? – тихо, словно заговорщик, спросил Милфорд. – В строении Корабля присутствует замысел! – Он подался вперед. – Великий замысел, мистер Шелдон! И если Корабль подчинен замыслу, то пребывание людей на нем тоже имеет цель. Равно как когда-то имело цель пребывание на нем механоидов и еще раньше – протомеханизмов.

– Примите мои поздравления, профессор, – сказал я, мысленно пытаюсь рассортировать по полочкам полученные сведения. – Это действительно великое открытие. Но, право, я не понимаю, каково мое участие в этом... этом всем?

Милфорд отодвинул поднос, развернул на столе свиток с картой одного из горизонтов. Вверху карты готическим шрифтом было начертано «Графство Дилэйн и Брукс Кантри». Профессор надел пенсне и принялся пояснять, водя пальцем.

– Все наши карты неполные. Видите, здесь и здесь – белые пятна, мы называем их «темными зонами», прикрывая шуткой наше незнание. На каждом горизонте найдутся территории, куда мы не можем проникнуть. Глухая стена: ни люков, ни тоннелей, нет даже вентилиационных портов.

Я постепенно вникал. Наконец речь зашла о понятных мне вещах.

– Основываясь на принципе симметрии, я могу предположить, что находится на закрытых от людей территориях, – проговорил тихим, отчетливым голосом Милфорд.

– Да? – удивился я. – И что же?

– Например, на этом горизонте, – профессор опустил взгляд на карту графства, – в «темной зоне» находятся еще два акра превосходных лесохозяйственных угодий. И пока что, обращаю ваше внимание, ничейных. В «темных зонах» на других горизонтах помимо новых земель для освоения можно будет отыскать дополнительные источники электроэнергии, воды и прочих ресурсов недр.

Только теперь я осознал важность открытия Милфорда. На картах горизонтов всегда наличествовали пустые места. Иногда площадь обжитой территории равнялась площади недоступного пространства. Как же легко, оказывается, было заглянуть за глухие стены. Симметрия относительно продольной оси... Одна половина горизонта – зеркальное отражение другой.

Профессорская карта, к слову, была самой подробной из всех тех, что мне приходилось видеть. О чем я не преминул сказать.

– Да, действительно, – с гордым видом согласился Милфорд, – мы долгое время копили данные по всем горизонтам. Тщательно замеряли каждый доступный тоннель и каждый отсек, чтобы получить идеально точные данные. Пожалуй, столь же подробные карты есть только у военных. Симметрия обнаружилась не сразу. И из-за обширных «темных зон», и из-за того, что ранние карты были составлены с погрешностями. Корабль – огромен. Кому, как не вам, об этом известно. И мы всегда смотрим изнутри, не имея возможности увидеть наши владения со стороны.

– Позвольте же, профессор, я повторю свой вопрос. Из-за чего я удостоился чести узнать об открытии? Если требуется прочитать лекцию, то я сделаю это с превеликим удовольствием. Однако я не уверен, что смогу вести речь о передовых достижениях в области физики Корабля.

Милфорд удивился.

– Лекция? Нет, не нужно.

– Что тогда?

– Союзник. Мне нужен союзник, – сказал Милфорд. – Ректор дает разрешение на летнюю экспедицию в одну из «темных зон», однако в Комитете Безопасности в штыки встретили наше предложение пробурить вход на недоступную территорию. Фонд Надсена заинтересован в финансировании экспедиции, однако оттуда не перечислят ни фартинга, пока вето комиссара Пибоди в силе. Мистер Шелдон, – профессор прижал руки к груди, – окажите любезность, переговорите с комиссаром, ведь он безмерно уважает вас! Пусть он снимет вето!

– Энсон Пибоди – комиссар Комитета Безопасности? – переспросил я, не сумев удержать горький вздох. У каждого из нас – своя дорога. Кого-то она ведет в курительню опиума, а кого-то – в наиглавнейшее силовое ведомство Корабля. Когда-то мы вместе с Пибоди работали на рудных разработках у старика Надсена, спали в одной палатке, ели из одного котелка пригоревшую кашу. И Пибоди был в числе моих спутников в историческом путешествии к «краю». Но он не дошел... Его свалила ржавая лихорадка, которую разносили кровососущие насекомые и мелкие механоиды, живущие в болотах Сибирийского горизонта.

– И еще... – Профессор замялся, посмотрел на мои трясущиеся руки, а потом все-таки решился: – И еще нам чрезвычайно нужен человек – опытный путешественник, который мог бы возглавить экспедицию. – Он снова уставился на мои пальцы: я крутил пуговицу фрака, ошарашенный таким предложением. – На ректорате мы обсудили несколько кандидатур и пришли к выводу, что вы, мистер Шелдон, лучше остальных справились бы с задачей. К тому же вы – прекрасный рассказчик. Я посетил одну из ваших лекций. Должен признать, тому, как вы владеете аудиторией, стоило бы поучиться некоторым преподавателям.

Свет, льющийся из окон, вдруг стал осязаемым. Превратился в золотистый туман. В этом тумане растворился профессор, книжные шкафы, голова механоида. И только голос Милфорда, продолжавший звучать из-за непроницаемой для взгляда завесы, удержал меня на кромке реальности и не позволил раствориться в грезах.

– ...мы готовы выписать чек на сто фунтов стерлингов в качестве аванса, как только удастся получить все разрешительные документы в Комитете Безопасности. И еще двести фунтов – после экспедиции, даже если нам не удастся пробуриться в «темную зону», – договорил профессор.

– Что ж, – протянул я, – судьба любит смелых, профессор Милфорд. Я в деле, черт побери.

И мы выпили еще по чашке чаю.

На Королевский горизонт для кого попало дорога была закрыта. К счастью, мне не пришлось в качестве пропуска демонстрировать свою физиономию и пояснять: «Три года назад, джентльмены, это лицо было на первых полосах всех корабельных газет!» Несколько раз в прошлом мне доводилось прибегать к такому методу, и каждый раз после этого я ощущал стыд.

Я ехал в карете с гербами Рэй-Браунского университета на дверцах. И у меня имелось рекомендательное письмо, подписанное ректором Уэбстером, поэтому полисмены молча брали под козырек и поднимали шлагбаумы.

Королевский горизонт делило надвое извилистое русло Лона. Из его теплых и ласковых вод в незапамятные века выползли на глинистые берега похожие на лысых обезьян пращуры современного человека. Среди теперь уже исчезнувших лесов Королевского горизонта строились первые поселки. Постепенно первозданную природу сменили искусственные пейзажи непрерывно разрастающегося города. На одном горизонте стало тесно, люди принялись переселяться на соседние. Вверх и вниз, насколько позволяли подъемные платформы Корабля, управление которыми в те времена только осваивали.

Свод над Королевским горизонтом необычайно высок. Шпили величественных зданий тянулись к нему, словно ростки – к свету. Но даже самую высокую постройку – часовую башню Уэстхопского дворца – можно было дважды водрузить на саму себя, чтобы бросить вызов сияющим электрическим светом высотам.

Улицы Королевского горизонта казались мне неестественно чистыми и малолюдными. Тут было не встретить бродяг, выпивох или цыган. А мальчишки – продавцы газет – носили ладные костюмы, шляпы и начищенные штиблеты.

Комитет Безопасности располагался в старом здании эпохи короля Эдуарда. Вход охраняли два гвардейца в килтах, панталерах, богато украшенных вышивкой, кителях из красного сукна и остроконечных кожаных шлемах.

И снова никто не стал чинить мне препятствий. Вскоре я уже листал газеты, сидя в прохладной приемной комиссара. Ждать пришлось долго – часа полтора, но Пибоди все-таки нашел для меня минутку. Он сам вышел навстречу и проводил в свой кабинет. Там мы обнялись, словно братья.

Пибоди раздобыл. Его нос стал таким же сизым и мясистым, как и мой. По сему поводу мы обменялись колкими шуточками. Но взгляд моего доброго друга оставался таким же ясным и пытливым, как в молодые годы. И Пибоди все еще носил бакенбарды, которые успели выйти из моды лет двадцать тому назад. Костюм комиссара соответствовал высокому статусу его владельца: черные, как ночь, фрак, брюки и шейный платок, расшитая серебром жилетка, белоснежная сорочка.

Комиссар бегло просмотрел ходатайство ректора. Он продолжал улыбаться, но уголки его губ опустились, а на переносице прорезалась глубокая морщина.

– Есть ли жизнь в других отсеках? – Я услышал в голосе Пибоди пафосные нотки. – Наши ученые мужи быются над этим вопросом не один десяток лет, и до сих пор никто не дал однозначного ответа. В мое ведомство ежедневно приходят десятки донесений из разных частей Корабля. Люди видят, как неожиданно появляются люки там, где их никогда не было. Говорят о необычайно ярком свете, о выходящих из него человекоподобных существах. Жалуются на пропажу или порчу скота. Имеются даже сообщения об исчезновении людей. Эти недоступные территории, эти «темные зоны», как их стали называть с легкой руки профессора Милфорда, они соотносимы по площадям с Объединенным Королевством. И черт его знает, любезный Филиас, что может там водиться. Таков мой основной аргумент против экспедиции, затеянной Рэй-Браунским университетом.

– Ты всегда был перестраховщиком, Пиб, – сказал я. – Есть ли еще какие-нибудь аргументы, кроме крестьянских побасенок, которыми жители окраин пытаются оправдать собственную безалаберность и злой умысел?

Пибоди хмыкнул, заложил руки за спину, прошелся от одной стены к другой.

– Ты ведь не понаслышке знаешь, какие опасности скрывают неисследованные части Корабля. Полости Хаббла, где нет воздуха для дыхания. Излучение Хокинга, которое заставляет людей гнить заживо...

– Какие еще аргументы, друг мой? – с нажимом проговорил я.

Комиссар рассмеялся, погрозил пальцем.

– Это не секрет, но мне бы не хотелось, чтоб в дальнейшем это всплыло в прессе, ну, ты понимаешь, Филиас. Последние тенденции в обществе, когда реакционно настроенная толпа протестует против индустриального пути развития Объединенного Королевства, заставляет проявлять чрезмерную осторожность в некоторых вопросах.

– Я нем, как могила, Пиб, – пришлось пообещать мне.

– Старый ты пират, Фил! Слушай внимательно. Чтобы наши заводы не дымили на горизонтах, мы выбрасываем газы в воздухопроводы, ведущие на недоступные территории.

– И что? – удивился я.

– До тех пор, пока ты не открыл проклятый «край», все думали, что Корабль бесконечен. И никого не волновало, что какие-то условно токсичные газы отравят некоторое число необитаемых отсеков из миллиардов миллиард находящихся в нашем мире. Теперь же народ стала одолевать клаустрофобия. А один джентльмен из министерства промышленности подсчитал при помощи разностной машины, что мы накопили у себя под носом... – Пибоди нервически дернул плечом, договорил, понизив голос: – Мы накопили на недоступных территориях такое количество угарного и гремучего газа, что если это все высвободится, цивилизации в нашем понимании придет конец.

– Ясно, – сказал я. – Благодарю за откровенность. Я думаю, что в таком случае экспедиция в «темную зону» просто необходима. Ты ведь намерен доработать до пенсии, а не свалиться раньше времени с инфарктом, день ото дня ожидая худшего.

Пибоди с сомнением присмотрелся к моему костюму. Истина, излагаемая человеком, у которого на пиджаке – плохо застиранные пятна, не есть априори.

– Есть и другой повод провести разведку «темных зон», – продолжил я. – Ты знаком с теорией профессора Милфорда о симметрии Корабля?

– В общих чертах... – буркнул Пибоди, после чего вынул хронометр на золотой цепочке, откинул ногтем большого пальца крышку с выгравированным на ней гербом Объединенного Королевства, посмотрел, щурясь, на циферблат.

– Разве тебя не привлекает перспектива заполучить новое месторождение полезных ископаемых? Или электрическую жилу? Второй Угольный Мешок? Вторые Сады Мидаса?

Пибоди вздохнул.

– Как вижу, дорогой Филиас, ты знаком с теорией Милфорда в куда более общих чертах, чем я, – изрек комиссар, продолжая держать перед собой хронометр. – Я не отрицаю наличие симметрии, но она не идеальна. Сорви с дерева лист и осмотри его внимательно. Он вроде бы симметричен, но некоторые жилки не соответствуют друг другу. Так и наш Корабль. Он слишком сложен, чтоб его можно было описать каким-то одним законом. Ответь лучше, сколько Милфорд пообещал тебе за то, что ты будешь представлять его интересы?

– Некоторое вознаграждение, а еще – участие в экспедиции, – не стал скрывать я.

– Да? – удивился Пибоди. – Можно было бы догадаться...

– Ты знаешь, какое-то время назад я думал, что моя карьера давно закончилась, что мои навыки и опыт никому больше не пригодятся, и единственное путешествие, в которое я смогу отправиться, – это только на кладбище Сент-Бридж.

Комиссар захлопнул крышку хронометра.

– Ладно, черт тебя подери... – пробурчал он. – Будем считать, что ты меня убедил. Я обдумаю свое решение по поводу экспедиции Милфорда еще раз. А сейчас – будь любезен. Министр внутренних дел уже десять минут ждет в приемной.

Через несколько часов Пибоди отправил ректору Рэй-Браунского университета телеграмму, я же получил обещанный аванс в тот же день, а точнее – вечер, когда лампы дневного освещения на сводах еще не погасли, но уже источают не свет, а густой красноватый сумрак.

Я отправился в паб на Черити-Лок и устроил отменную пирушку. В компании рыбаков и портовых грузчиков разгромил в зале мебель и чудом улизнул до того, как нагрянули полисмены.

Подготовка к экспедиции заняла приблизительно два месяца. Ректорат назначил Милфорда научным руководителем, а меня – техническим. С нами отправлялся аспирант Милфорда – двадцатитрехлетний Уильям Ганн, он показался мне малахольным юношей, слабо подготовленным для длительных путешествий, но я решил оставить свое мнение при себе, поскольку знаю, как сильно может изменить человека дорога. Кроме того, к нам присоединились профессор Александр Телье – биолог и Ричард Форд Киллиан – доцент кафедры кораблеографии. Ученым мужам было за пятьдесят, в своей жизни им доводилось посещать самые экзотические уголки Корабля. У Киллиана осталась память об одном таком путешествии в виде шрамов от стальных когтей сибирийского механоида.

Комитет Безопасности откомандировал своего специалиста – майора Рекса Шефнера. Майор работал с токсичными веществами, он должен был на месте оценить, таит ли «темная зона» угрозу, предсказанную разностной машиной министерства промышленности. Остальными участниками стали девять студентов-старшекурсников с разных факультетов – физики, биологи и кораблеографы.

Были заявлены следующие задачи экспедиции:

- Отыскать прямые доказательства Симметрии Корабля;
- Проникнуть в одну из «темных зон»;
- Проверить возможность жизнедеятельности в «темных зонах».
- Изучить флору и фауну «темной зоны»;
- Разведать месторождения природных ископаемых и электрических жил «темных зон».

22 июня 1886 года наша маленькая научная армия вышла из главных ворот Гранд-Парка и, оставив за спиной учебные корпуса Рэй-Браунского университета, двинулась на покорение до сих пор недоступных территорий Корабля. Мы были верхом, провизия и личные вещи хранились в крытом брезентом фургоне, в который была запряжена пара косматых меринов. На козлах с поводьями сидел Уильям Ганн, который, как я и подозревал, с трудом держался в седле; к счастью, для него отыскалась вакансия извозчика. Предполагалось, что в Угольном Мешке у нас появится еще один фургон с оборудованием, предоставленным лабораторией рудодобывающего концерна «Надсон и Сын», для того, чтобы вскрыть металлический монолит переборки и проникнуть в «темную зону».

Экспедиция началась как увеселительная прогулка. Молодежь шутила, покупала на ходу сладкие пирожки и леденцы на палочке, козыряла встречным дамам. Держу пари, студентам казалось, будто весь путь в «темную зону» будет похож на прекрасную брусчатую дорогу, вроде той, что стелилась под копытами наших лошадей.

Но горизонт Угольного Мешка встретил нас холодным дождем. Струи сочились вполсилы из встроенных в свод форсунок, дорожное полотно заливала жидкая грязь. В воздухе совсем не по-летнему пахло снегом. Пышная растительность исчезла, из земли торчали голые, колючие кустарники, в кору которых навсегда въелась угольная пыль. Зданий, раду-

ющих глаз архитектурой, здесь тоже не было: только похожие на хлева бараки, безликие склады и производственные постройки. По пути нам встречались лишь рабочие – китайцы, индусы, темнокожие с Жаркого Горизонта; все были в грязных комбинезонах, разношенных сапогах и кепках. Наши молодые люди не приуныли, но сменили радужный настрой на сосредоточенность.

Однако Угольный Мешок был лишь окраиной. Здесь трудились десятки тысяч человек, и моя карьера инженера тоже началась в одном из окрестных рабочих лагерей.

В тусклом свете, просачивающемся сквозь дождь, просматривалась застроенная лесами часть склона Карбоновой Глыбы. Вершиной гора уходила на смежный горизонт. Мокрые изломы склона тускло блестели. На лесах виднелись силуэты людей: добыча угля не прекращалась ни на минуту.

Мы подъехали к кирпичному зданию администрации. У крыльца нас встречал управляющий: человек средних лет в безупречном костюме, в очках с золотой оправой и фиолетовыми стеклами. Он носил бороду, но брил усы на манер мореплавателей с самых нижних – водных – горизонтов. Я знал его сто лет, но друзьями мы никогда не были. Декстер Льюис отличался жестким, даже жестоким отношением к рабочим. Поэтому старик Надсон продвинул его по карьерной лестнице до управляющего.

– Приветствую вас, господа! – с полупоклоном произнес Льюис. – Для меня большая честь – принимать в этих стенах первопроходцев.

Мы передали лошадей на попечение слугам. Начинало темнеть, дождь постепенно сходил на нет. На склоне Карбоновой Глыбы упрямо стучали кирки.

Пожав руки ученым, управляющий подошел ко мне.

– Шелдон! – Он стиснул мою кисть могучей ручищей.

– Льюис! – кивнул я.

– Хочу вас предупредить, – хмуро проговорил он. – Среди рабочих распространились вызывающие опасения слухи. Вы не хуже меня знаете, насколько суеверны эти дикари. По их поверьям, на недоступные территории, куда вы намерены проникнуть, уходят души умерших.

К нам подошел майор Шефнер.

– Кто же стоит за этими слухами? – поинтересовался он, набивая трубку табаком.

– «Таймс», – пожал плечами Льюис. – Некоторые рабочие умеют читать. К тому же фургон с экспериментальным оборудованием для прожига переборок – не иголка в стоге сена.

– Чего нам следует опасаться? – деловито уточнил майор, выуживая из внутреннего кармана плаща спичечный коробок. В тот момент я мысленно поблагодарил старого пере-страховщика Пибоди за то, что он отправил вместе с нами еще одного человека, знакомого с запахом пороха.

Вспыхнула, зашипев, серная головка, осветив лицо майора. Он был тонконосым и тонкогубым аристократом в возрасте сорока трех лет с высокими скулами и цепким взглядом профессионала. С усами щеточкой и обильной сединой на висках.

– Под защитой этих стен вам ничего не грозит. В дальнейшем же не теряйте друг друга из виду, – посоветовал управляющий. – Постарайтесь одолеть путь до подъемника за один переход, привалов не делайте. Если к вам прибьются незнакомцы, то сначала берите их на мушку, а потом начинайте разговор.

В трапезной нас ждали накрытые столы. Меню ужина соответствовало средневековому вкусу старика Надсона, к нашему счастью, отсутствующего в Угольном Мешке, иначе его скверный нрав многим участникам экспедиции подпортил бы аппетит.

В камине, забранном железной решеткой, пылали, стреляя искрами, дрова. Слуги подали мясо дичи, вареный картофель и овощи. На лицах молодежи читался энтузиазм, студенты торопливо рассаживались вокруг стола.

Старшие же участники экспедиции – я, майор Шефнер, Милфорд, Телье и Киллиан – были представлены профессору Дервингтонширского Технологического университета Бэйзилу Арнольду, имевшему докторские степени по минералогии и материаловедению. Профессор Арнольд – низкорослый кряжистый мужчина с бородой до объемистого живота – вместе с двумя ассистентами присоединился к экспедиции. Его основной задачей было обеспечить прожиг переборки, чтобы мы смогли проникнуть в «темную зону». В дальнейшем вместе с нашими учеными он принял бы участие в разведке полезных ископаемых.

Дервингтонширский университет был моей альма-матер, и профессора Арнольда я знал еще с тех времен, когда тот ходил безусым аспирантом. Как и все любимчики старика Надсона, Арнольд отличался скверным нравом и экзальтированным поведением.

Студенты за столом немного приуныли, их смутило, что в графинах оказалась либо ключевая вода, либо сидр. Старик Надсон самым строгим образом запретил в Угольном Мешке распитие крепких напитков. Табу распространялось даже на эль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.